

**«ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР» ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(ПРИМЕНИТЕЛЬНО К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)**

Чернейко Людмила Олеговна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы 1-51, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова
avollis@mail.ru

Я был ученым, но оставался свободным от сурового насилия науки.
В.В. Налимов

Статья посвящена проблеме ассоцианизма и исчислению «вероятностного мира» (словоупотребление Ю.Н. Караулова), которая занимала в научном творчестве ученого одно из центральных мест. Предметом исследования является возможность нематематизированного применения вероятностной модели языка к анализу художественного текста (Е. Водолазкин «Авиатор» и А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него») с использованием метода выделения наиболее часто встречающихся в текстах смыслов, которые «упакованы» в близкие, но семантические нетождественные означающие (синонимы), и построение на этой основе текстовых парадигм (логических – с архисемой как центром парадигмы и аксиологических, центром которых является оценочный смысл) с целью моделирования мировоззрения и мировосприятия главного героя. Результат проведенного исследования состоит в предлагаемом аргументированном понимании остраннения не только как художественного приема, сформулированного В. Шкловским, но прежде всего как модели видения мира языковой личностью. Предлагается теоретическое обоснование типологии остраннения, основой которого являются такие разные ментальные состояния, как удивление, вызванное новизной воспринимаемого предмета в широком понимании термина (роман «Авиатор») и непониманием хорошо знакомого – привычного и даже рутинного (роман «Петровы в гриппе...»). Остраннение как способ восприятия мира личностью и языковые средства его от-ображ-ения в двух отмеченных ракурсах можно отнести к разряду художественных, эстетически значимых универсалий, характерных для определенного типа нарратива, что важно для когнитивной поэтики, в частности для нарратологии и рецептивной эстетики.

Ключевые слова: языковая личность, восприятие, представление, «вероятностный мир», ключевой смысл, текстовая парадигма, остраннение, рецептивная эстетика

Введение

Научная деятельность Ю.Н. Караулова была многовекторной и результативной, определяющей перспективу изучения поведения слова в речи. В сферу его научных интересов входили, как известно, грамматика, теоретическая и прикладная лексикография, общие проблемы языкознания, исследование художественного текста. Но, как представляется, главным новаторским достижением ученого для отечественной (и

мировой) филологии, традиционно включающей лингвистику, было создание теории языковой личности, глубинной основой которой является ассоцианизм, открывающий доступ в область бессознательного. Ю.Н. Караулов был философом, но не по специальности, не в дисциплинарном смысле, а в том, какой придал термину «философия» Л. Витгенштейн, считавший философию деятельностью разума по поиску сути вещей в любой сфере познания. Если же говорить о философии именно в витгенштейновском понимании, то ее объединяет с лингвистикой их метанаучность, поскольку все науки «бьются» со своим предметом в поисках истины, но результаты поиска и находок не могут не выражаться в языке и через язык, даже если это язык химии или математики. При этом лингвистику выгодно отличает от философии материальность ее научного объекта, и это речь. И для философа, размышляющего об общих законах существования и развития мира и об отношениях человека и природы, важна речь как материальное воплощение мысли, а для некоторых философских школ (таких, как «Аналитическая философия» и «Школа философии обыденного языка») характерно пристальное внимание к языковой стороне философской деятельности, в которой язык так же, как и в лингвистике, становится не инструментом, а объектом познания.

«Языковая личность» как лингвистический инструмент реконструирования текста

Понятие «языковая личность» определяется Ю.Н. Карауловым достаточно широко: и как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [Караулов 1987: 245] различной степени сложности, и как «личность, выраженная в языке (текстах)», которая может быть «реконструирована в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же: 38]. Несколько измененное и более позднее понимание термина «языковая личность» сводится к тому, что это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [РЯ 1997: 671].

Из приведенных определений термина вытекают два важных для когнитивной лингвистики (и когнитивной поэтики в частности) положения: 1) «языковая личность» – это лингвистический инструмент моделирования представлений конкретного человека (или микросоциума, например, научного направления) о мире, выражающихся в его речевом поведении, воплощенном в устном или письменном видах текста, 2) алгоритм использования этого инструмента для реконструирования специфики индивидуального (и/или коллективного) видения мира, непостижимого в своей целостности, непременно связан со статистикой (термин «статистика» этимологически восходит к лат. status = состояние, положение), позволяющей вычленив в речах те языковые средства, которые и являются специфическими для данной личности, «проявителями» ее индивидуальности. Поскольку различаются представления разных людей одного языкового сообщества (культурного социума в целом и его субкультур) о мире и одного человека в разные периоды времени, постольку полученная модель языковой личности имеет вероятностный характер, что и предопределяет амплитуду видения мира социумом, взятом в его целостности.

Ю.Н. Караулов писал: «Как только мы подходим к фактам языка с точки зрения языковой способности, мы покидаем системно-детерминистский мир привычного пред-

ставления языкового строя, его грамматики и лексики, и вступаем в вероятностный мир языковой личности» [Караулов 1999: 7]. Но «вероятностный мир языковой личности» есть мир, соединяющий в себе формы логического мышления, базой которого является дискретный язык, с внелогическим, континуальным по своей природе и проявляющимся в индивидуальной речи в виде случайности ассоциативных связей. Современное научное познание направлено на «выявление и исследование закономерностей, которым подчиняются реальные процессы» [Костин 2004: 3] во всех сферах научной деятельности. Для лингвистики «реальный процесс» – это речь, именно по этой причине лингвистика речи стала приоритетным направлением в изучении языка как динамической системы, как «среды языкового существования» (термин Б.М. Гаспарова [Гаспаров 1996]), а статистический подход к ее анализу, даже если он не математизирован и не осознан исследователем текста как количественный метод, тем не менее является единственно надежным, верифицируемым инструментом его реконструкции.

Если язык как система достаточно эффективно описан методом структурного анализа, подчиненного выявлению связей единиц языка на всех уровнях его организации через фонологические, лексико-семантические, синтаксические оппозиции, то для моделирования актуализированной в речи языковой способности, языковой компетенции, а тем более видения мира этот метод недостаточен. Коль скоро в речи проявляются как причинно-следственные связи, за которые ответственна логика, так и лишённые детерминизма ассоциативные, к ее анализу подходит принцип случайности, на котором стоит математическая статистика, определяющая случайную функцию (СФ) как такую, «значение которой при любом значении аргумента является случайной величиной (СВ)», принимающей «при каждом испытании какой-либо заранее неизвестный вид» [Костин 2004: 15].

В речи, какой бы логически выверенной она ни была, «заранее неизвестный вид» имеют в первую очередь вспомогательный субъект сравнения таких тропов, как сравнительный оборот, метафоры двух видов – образной и, в меньшей степени, когнитивной, а также зевгма, отличительная особенность которой состоит в том, что в предложении при одном сказуемом могут быть два или более прямых дополнения с совершенно разными семиотическими статусами (на уровне логической организации предложения – это имена, заполняющие объектную валентность предиката), например: *Этот скандал... обошёлся ему очень дорого. Благодаря ему он потерял свою новую форменную фуражку и веру в человечество.* (А. Чехов. Начальник станции).

Что касается сравнения, то «заранее неизвестный вид» вспомогательного субъекта сравнения отличается высокой степенью его непредсказуемости в художественном типе речи (за исключением устойчивых сравнительных оборотов). Для метафизики сознания проекции одного явления (неизвестного или малопонятного) на другое, воплощенные в таких тропах, как метафора, метаморфоза, сравнение, связаны с активизацией индивидуального опыта, сужающего границы «предмета-для-всех» до «предмета-для-Я», в котором и проявляется его нетривиальное видение: *Вольга согнул свою душу, как лук, и сцепил ее тетивой воли. Из плавней Матвей видел, как мостом, черной радугой выгнулась через небосвод страшная дымная полоса. Она была как дьявольское, угольное отражение Млечного пути в светлом небе* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Мимолетные касания, казалось бы, совершенно незначительные, были как мелкие гвозди, прочно сшивающие ежедневную жизнь* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Принцип проекции: универсальный когнитивный инструмент

Особого внимания заслуживает изучение когнитивных («концептуальных», «предикативных») метафор, а они результат скрытой проекции абстрактных имен (АИ) существительных на предметный мир (подробно в [Чернейко 2019]) через обязательные для АИ узусальные (освященные традицией) вторичные предикаты (например: кризис *разразился*, *охватил*, *назрел*, *углубился*, где кризис мыслится в коде стихии – грозы, огня, в растительном коде – плод, в ландшафтном – русло реки) или чрез недавно возникшие, но прочно вошедшие в узус словосочетания с оценочной коннотацией, например: *жертвы* оптимизации, *ущерб* от «оптимизации», *последствия* оптимизации, оптимизация *ударил* по больницам, где оптимизация мыслится как не эволюционный, а революционный процесс, плохо организованный властными структурами («спущенный сверху»), отрицательно оцениваемый народом, что и обеспечивает оптимизации образы стихийного бедствия или врага.

Метафоричность речи – важнейший показатель ассоциативной креативности языковой личности в любом типе текста, не исключая и научный. Любая модель понимается В.В. Налимовым как метафора («Модель имеет статус метафоры» [Налимов <http://>]). Ситуации разной степени сложности и возможности их охвата сознанием, события, подобные войне, революции, а также все умопостигаемые феномены всех сфер культурной жизни, о которых и социум, и индивидуум могут иметь только представления – неverified форму познания. Язык представлений вынужденно метафорический, основанный на проекции неизвестного на известное, т.е. на индивидуальный и/или коллективный опыт, или абстрактного на конкретное [Чернейко 2019]. В проекции происходит такое удвоение воспринимаемой реальности, которое связано не с логикой познания мира, а с активизацией памяти и обращением субъекта восприятия (и/или субъекта речи) к своему индивидуальному опыту

Рассматривая аналитический термин политологии *мягкая сила* (калька с английского *soft power*) в контекстах его употребления в современных российских СМИ, П.Б. Паршин применяет количественный метод анализа, который позволяет ему сделать вывод о семантической структуре термина и об адекватности его понимания, иными словами, о «качестве» употребления: «Мягкую силу можно приобретать, наращивать, сохранять, утрачивать, но использовать, стабильно добиваясь результата, нельзя», потому что мягкая сила – не инструмент и поэтому, конструкции типа «мягкая сила» как инструмент внешней политики, мероприятия «мягкой силы»... некорректны логически, как и хлесткие журналистские метафоры типа железная хватка мягкой силы» [Паршин 2017: 249].

Философия случайности в ее отношении к лингвистике

Философия случайности применительно к языку представлена в разделах-афоризмах «Логико-философского трактата»: «4.464. Несомненно, возможно, невозможно: здесь мы имеем указание той градации, которую мы употребляем в теории вероятностей; 6.43. Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного; 6.45. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое; 6.44. Мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть» [Витгенштейн 1958]. И как бы ни упрекали Л. Витгенштейна в «неясности» языка, который «нелегко понять», и в «ничтожности и бессмысленности философского содержания» [Никифоров 2017: 160] «Трактата», очевидно, что во многих афоризмах заключены значимые для когнитивистики мысли. Действительно, один воспринимает жизнь как дар, а другой в ней мается, следовательно, общая эмо-

циональная окраска речей таких личностей значительно различается, различается и их тематика, а если учесть, что дискурс представляет собой речевленное мировоззрение, то возникает оппозиция «дискурс счастливого – дискурс несчастливого», в основе выявления которой лежит количественный метод. А вопрос о «чтойности» (сущности) мира и вещей волновал и волнует философию с того момента, как она возникла. Но ответ на него не может быть верифицирован, поскольку он связан не с опытным (эмпирическим) знанием, а с мнением, часто аксиологически заряженным.

Такие количественные характеристики текста, как частота употребления слова или словосочетания, лежат в основе не только концептуального метода когнитивной лингвистики, успешно применяемого для моделирования мировоззрения и мировосприятия отдельной личности, но и выделения так называемых «ключевых слов» эпохи или определенного периода. И понимание «литературного приема» как специфических, присущих определенному идиостиллю языковых средств также основан на исчислении этих средств. А. Белый, исследуя «картину», точнее, «картинку» (этот более точный термин принадлежит Н.Ю. Шведовой) неба, солнца и луны в трех поэтических идиолектах – А. Пушкина, Е. Баратынского и Ф. Тютчева, пишет, что в идиолекте выбранных им авторов присутствуют «три картины, три мира, три солнца, три месяца; три воды, троякое представление о воздухе; и – троякое небо» [Белый 1922: 10]. Сделанный вывод вытекает из анализа «суммы всех слов о солнце» [Там же] и о других телах. Можно считать, что проделанный А. Белым анализ является применением нематематизированного статистического метода к художественному тексту. Именно такой метод анализа текста является одним из наиболее востребованных когнитивной лингвистики и существует под названием «концептуальный анализ».

Концептуальный анализ, основанный на изучении сочетаемости ключевых слов (это часто повторяющиеся непредметные имена существительные, задающие тему высказывания, но могут быть и ключевые глаголы, которые имеют статус вторичных предикатов и дают возможность войти в образный мир непредметных феноменов), выявленной способом сплошной выборки, соотносится с контент-анализом, моделирующим содержание больших массивов текста с применением статистически оформленных количественных методов и с обязательным числовым выражением результата анализа. При широте охвата неслучайных, высоковероятных сочетаний единиц языка в речи (к совокупности «идентифицирующих признаков, отражающих существенные свойства авторского стиля» относят такие статистические характеристики, как «частотность слов, букв, их сочетаний, количественное использование определенных частей речи, синтаксических конструкций и т.д.» [Дворяткина, Розанова 2016: 93]) наиболее информативной представляется сочетаемость ключевых слов в текстах отдельной языковой личности (автора, нарратора, персонажа, если речь идет о художественном тексте), эпохи и/или момента, позволяющая выявлять семантико-стилистическую специфику текста и отображающая видение личностью стоящих за этими словами феноменов (сущностей). В исследовании речи (а только к ней и может быть применен вероятностный метод) «семантика текста определяется вероятностью, задаваемой структурой смыслов, а смыслы – это то, что делает знаковую систему текстом» [Налимов [http](http://)].

Остраннение: литературный прием и способ видения мира. Типология приема

Термин «остраннение», обозначающий определенный литературный прием, прочно базируется, как было сказано выше, на количественном методе без привлечения чис-

лового оформления полученных результатов. Тем не менее интуиция, определяющая частоту встречаемости единиц, смысл которых сконцентрирован на идее странности мира, может быть формализована и без обращения к статистике с ее математическими формулами распределения единиц по частотности и определением вероятности появления единиц с разной степенью частотности на больших массивах текста.

В. Шкловский, введший термин «остраннение» (как известно, в ошибочной орфографии, но признавший позднее свою ошибку), предлагает два его понимания, назовем их «широким» («остраннение есть почти везде, где есть образ») и «узким». Широкое определение не представляется конструктивным, потому что образность и обусловленная ею выразительность являются неотъемлемыми чертами художественности. Что касается «узкого» понимания, то именно оно связано с поэтическим приемом представления воспринимаемой вещи (явления) как новой, впервые увиденной, данной в тексте в режиме, как пишет Шкловский, «вИдения, а не узнавания». Именно такое восприятие привычных вещей персонажем, а также читателем снимает с них оболочку привычки и выступает антиподом автоматизма восприятия.

Исследуя произведения Л.Н. Толстого, Шкловский делает следующее обобщение: «Прием остраннения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз увиденную, а случай – как в первый раз происшедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответствующие части в других вещах» [Шкловский 1929: 14]. Эта вскрытая специфика толстовского приема предполагает, во-первых, перцепта-новичка (условно говоря, ребенка, открывающего для себя мир, или взрослого-профана), а во-вторых, энигматичность построения описания вещи за счет проекций ее свойств на сходные свойства других вещей (этому посвящена работа Шкловского «Тетива»).

Когда описание ситуации во всех ее видимых свойствах дается автором без ее названия, то в терминах картезианской семиотики подобный прием может квалифицироваться в рамках оппозиции «предмет восприятия – предмет мысли». Предмет мысли прочно связан с наличием у него имени, названия. При таком остранняющем воспринимаемый предмет типа его описания он предстает перед персонажем во всех доступных восприятию свойствах, но как неизвестный, безымянный, отсутствующий в его опыте, тогда как название предмета (ситуации) принадлежит базе данных всезнающего повествователя. Такой тип остраннения вполне коррелирует с одним из базовых понятий когнитивной поэтики, а именно с отсроченной категоризацией, которая может занимать и достаточно большое время-пространство текста, как у Толстого, а может быть и короткой, как, например, у Борхеса в описании Библиотеки: *Свет дают округлые стеклянные плоды, которые носят название ламп*. Отмечу, что метаязыковые глаголы *назвать/называть, называться*, а также описательные предикаты с синтаксическим дериватом *название (носить название, иметь название)* обладают остранняющим эффектом.

Анализ В. Шкловским фрагмента романа «Война и мир» (том 2, часть 5, глава 9) подается в режиме остраннения-удивления («салоны и театр» даны как, прежде всего, странные»), т.е. как впервые увиденные персонажем. Между тем анализ переживаний персонажа в данном фрагменте связан не с «новизной» восприятия, а с другими параметрами состояния личности. Однако для этого необходимо было снять анонимность с рассматриваемой ситуации и ввести имя персонажа. Предлагаемый Шкловским ана-

лиз фрагмента текста представляется некорректным по двум причинам: 1) не указан персонаж, в восприятии которого описана ситуация, и 2) неверно оценена роль приема описания состояния персонажа, «остранняющего» воспринимаемое, в анализируемом фрагменте текста. Действительно, в описании Шкловского этот эпизод воспринимается так, будто человек оказался в опере впервые (*ровные доски сцены, девицы в красных корсажах, пели что-то, кончили свою песнь* и т.д.). Но эта иллюзия новизны восприятия рассеивается, когда в свободном косвенном дискурсе, раскрывающем состояние сознания Наташи (а именно через ее восприятие описывается театральное представление), появляются такие слова, как *кулисы, занавесь, партия (закончили свою партию)* и, особо отмечу, *хроматические гаммы, аккорды уменьшённой септимы*, показывающие, что персонаж знает обо всем происходящем, чему в тексте есть и эксплицитное подтверждение: *она знала, что всё это должно было представлять*.

Восприятие Наташей происходящего можно разделить на две части: на описание внешнего для неё пространства – это сцена и партер и внутреннего – это её психо-эмоциональное состояние. Эти три части организованы ритмически: «сцена-Наташа-партер» (дважды); «сцена-диалог Наташи в партере». И прием остраннения в этом фрагменте служит у Толстого описанию душевного смятения Наташи, в отношении которой с Болконским вторгается Курагин. Таким образом, открывается возможность классификации приема.

Известный итальянский историк (а также искусствовед и филолог) Карло Гинзбург в статье, посвященной В. Шкловскому, дал такую характеристику его работе «Искусство как прием»: «Текст Шкловского и по сей день нисколько не утратил ни своего молодого напора, ни обаятельного нахальства». Но, «если искусство есть прием, нужно понять, как этот прием работает, а не как он возник» [Гинзбург <http>]. Останавливают внимание слова «как работает прием». Понятие «прием» как рациональная оценка языковой специфики художественного текста и индивидуальности художественного стиля писателя возникло в теоретическом сознании Шкловского в результате его работы над языком Л. Толстого, обобщения полученных результатов и их формализации в термине «остраннение», применимого к разным текстам, где есть «остранняющие» языковые средства, выявление которых дает ответ на вопрос, «как работает прием».

К. Гинзбург предлагает свою аргументацию разграничения типов приема остраннения, построенную на близкой ему историко-хронологической основе, раскрывающей истоки литературного приема и в структурном аспекте, и в функциональном: это 1) фольклор (жанр загадки); 2) французские моралисты XVI-XVII вв. и литература французского Просвещения XVIII в. (особенно Вольтер, использующий этот прием как «средство делегитимации» социальных отношений), 3) Л. Толстой и 4) Марсель Пруст. Как считает К. Гинзбург, прием остраннения служит у Толстого средством «прорвать привычную наружность явлений, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности» и подвергнуть ее моральной и социальной критике. Прустовское остраннение как художественный прием передает импрессионистическую непосредственность восприятия реальности личностью во всей целостности полученного впечатления, возможно, и алогичного с точки зрения логики здравого смысла. Таким образом, К. Гинзбург намечает контуры функционально-семантической типологии приема остраннения.

Взяв за основу концепцию В. Шкловского в ее уточненном варианте, предложения К. Гинзбурга и результаты собственных наблюдений, можно предложить рабочую классификацию приема в таком виде: 1) «остраннение-удивление», разрушающее ав-

томатизм восприятия мира через описание видимых свойств предмета восприятия с отсрочкой его категоризации, наименования и другими языковыми средствами (далее – «остраннение1»); 2) «остраннение-непонимание» – это остраннение как способ воспроизведения хаоса жизни через абсурдизацию описания ситуаций и даже слов (далее – «остраннение2»); 3) «остраннение-смятение» – передача наблюдателем-повествователем сложного психологического состояния персонажа, его растерянности перед ситуацией; 4) «остраннение-критика», обнажение правды жизни при снятии с нее искусственно создаваемых одежд, которые кроит по своим привычным лекалам социум (или его отдельный страт) и 5) «остраннение-импрессия». К исследуемым художественным текстам приложимы два вида остраннения – «1» и «2».

Остранняющее восприятие действительности и языковые средства его выражения

Если на термин «остраннение» посмотреть в его связи с семантикой производящего прилагательного *странный*, лексикографическая интерпретация которого задает диапазон от одного значения ('необычный' и 'непонятный'= 'труднообъяснимый' объединяются в одно в словарях С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова) до четырех ('удивление', 'нормативная оценка', 'сверхъестественность' и 'необычность' предмета – в [Бабенко 2016]), то им оценивается и **новизна** перцептивного объекта и связанная с ней невозможность или затруднительность его идентификации, и его **непонятность**. Вызывает возражение объединение смыслов 'недоумение' и 'удивление' в рамках одного словарного значения.

Эти параметры соотносятся с разными состояниями сознания: необычность, новизна вещи или ситуации для субъекта восприятия может стать причиной его ментального состояния – удивления, а с него, как известно, начинается познание. Удивление, мотивированное видением нового предмета, информация о котором в опыте воспринимающего отсутствует, вовсе не предполагает его отрицательной оценки, напротив, оно может вызывать восхищение (синонимы *странный* в этом значении – *удивительный*, *дивный*, *чудный*), тогда как непонятность, особенно явлений привычной повседневной жизни, провоцирует у воспринимающего сознания эмоцию неприятия (и даже неприязни) – смысл, не представленный в лексикографической интерпретации прилагательного в качестве его релевантной семы ни одним толковым словарем. Важно при этом отметить, что в художественном тексте непонятым персонажу может показаться и новый, неведомый предмет (что естественно и высоко вероятно), и привычный, рутинный.

Оценка и новизны предмета, и его непонятности, а также невозможности или затруднительности его идентификации выражается эксплицитно, т.е. разными лексическими средствами: в первую очередь, это прилагательное *странный* и его синтаксический дериват *странность* с семантикой констатации, приобретающий во множественном числе пейоративную оценку, а также единицы двух лексических подмножеств с инвариантами 'необычность' и 'непонятность' некоторого объединенного идеей странности (по Ю.Н. Караулову, «идиоглоссы *странно*», «сателлиты») которой в прозе Ф.М. Достоевского – *будто, как бы, вдруг, казался*) множества. Эти подмножества выделяются в полном соответствии с присущими прилагательному *странный* значениями, которые подробно описаны в диссертационном исследовании Е.В. Шиловой, а прилагательное *странный* имеет, по ее мнению, статус ключевого слова русской культуры XX-XXI

вв., а не только в словаре Ф.М. Достоевского. Особенность его функционирования – в цикличности частотности: в наличии периодов ее спада и роста [Шилова 2016]. Инвариантная семантика этого прилагательного выражается следующей формулой: *X считает, что P странный* = ‘X обладает представлением о некотором стандарте предмета, ситуации или явления P и считает, что в данном случае P стандарту не соответствует’. Как оценочное прилагательное, *странный* имеет обязательную субъектную валентность (поэтому относится к эгоцентрическим единицам языка) и включает в свою семантику и норму, относительно которой оценивается конкретный предмет, и знак оценки.

Кроме названных лексических средств, особую роль с явно выраженным остраняющим эффектом выполняют неопределенные местоимения и местоименные наречия. В статье о функции неопределенных местоимений Т.М. Николаева отмечает, что термин «неопределенность», введенный Н.И. Гречем, охватывает два параметра объектов – их неизвестность и неопределенность [Николаева 1983]. Но как семантически не разведены два разных значения прилагательного *странный* в толковых словарях, так не разведены значения прилагательных *неопределенный* и *неизвестный*, охватываемые грамматическим термином «неопределенность». Однако эти параметры совершенно по-разному характеризуют информацию: неизвестное имеет статус отсутствия в опыте информации о явлении, а неопределенное, напротив, всегда существует, оно есть – либо в опыте, либо в восприятии. Именно по этой причине неопределенное местоимение, например, *какой-то*, об «инвазии» которого в современном русском языке писала Т.М. Николаева 35 лет назад, легко выполняет оценочную функцию со знаком минус, когда обозначает предмет, который находится в сфере восприятия говорящего в данный момент.

Среди особенностей неопределенных *ТО*-местоимений Т.М. Николаева отмечает их установку на «индивидуализацию нереферентного объекта». Из этого следует, что этому местоимению для реализации своих значений важен семиотический статус лексической единицы, с которой оно сочетается, например, его связь с зоной предиката: *Рот у него какой-то кривой* (М. Булгаков), *Хохот у нее какой-то странный*, *Какой-то серый город* (А.П. Чехов). В этом случае местоимение выполняет свою вторичную, аксиологическую функцию, усиливая отрицательную оценку, заложенную в прилагательном, и выражая негативное отношение говорящего к носителю свойства предмета восприятия (ср.: *Грубый он какой-то* при **Вежливый он какой-то*).

Местоименные наречия *почему-то* и *зачем-то* квалифицируются грамматиками как неопределенные, при этом их лексикографический семантический инвариант – ‘неизвестность’. Несмотря на семантические различия параметров «неизвестность» явления и его «неопределенность», они имеют одно важное общее следствие: и неизвестное, и неопределенное оцениваются как непонятное, а непонятное не только остраняется, но даже отчуждается, т.е. говорящий от него дистанцируется.

Помимо неопределенного местоимения *какой-то*, местоименных наречий *почему-то* и *зачем-то* большим остраняющим потенциалом с отрицательным аксиологическим зарядом обладают такие эгоцентрические единицы, как глаголы восприятия (*казаться*) и сравнительные конструкции, вводимые союзом союзы (*будто*). Если говорить об эгоцентриках как о семантическом поле лексических единиц, выполняющих в тексте разные функции, объединенные одним инвариантным смыслом, вводящим в текст говорящего его точку зрения (в новейшей терминологии «субъектную перспективу») и

представляющего разные модусы (состояния) его сознания, то метафорическая номинация с включенной позицией наблюдателя (например, *лезвия рек, паутина мостов, светляки окурков, зернистая кра асфальта* в [Чернейко 2017] названы «дейктическими метафорами») на законных основаниях входит в это поле. В этой номинации обнаруживается сосредоточенность говорящего («автора» метафоры) не столько на себе, сколько на его включенности в мир через переживание воспринимаемого фрагмента, активизирующего элементы опыта. И вспомогательный субъект метафоры прочно связан с фрагментом индивидуального опыта личности, активизированным и мотивированным воспринимаемым предметом.

«Остраннение-удивление» и «остраннение-неприятие» как параметры семантико-стилистической организации художественного текста

Роман Е. Водолазкина «Авиатор» и роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» на первый взгляд имеют между собой мало общего и в фабуле, и в стиле письма. Но проведенный анализ текстов романа Е. Водолазкина «Авиатор» и А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» позволяет говорить о приеме остраннения, который является одним из важнейших параметров их семантико-стилистической организации. Однако типы остраннения в них разные. В «Авиаторе» представлена такая разновидность приема, как остраннение-удивление («остраннение1»), через который передается доминанта сознания героя, «обвыкающегося» в чужом своем городе. Роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» построен на принципе, задаваемом приемом «остраннение2», т.е. на непонимании происходящего главным героем и часто солидарным с ним нарратором.

Герой романа «Авиатор» Иннокентий Платонов – герой не нашего времени. Он проснулся в больничной палате Санкт Петербурга спустя 67 лет после того, как его вовлекли в эксперимент по крионике в 1932 г. Роман построен на том, что человек, осваиваясь в новой для него реальности, пытается по кусочку восстановить свою прошлую жизнь, из которой он «выпал» 32 года назад. Платонов – Робинзон, но он заброшен в иное по сравнению с его прежней жизнью время (в 1999 год), в иную жизнь. В романе отчетливо выделяются два плана – это настоящее, которое открывает для себя ежедневно Платонов, и прошлое, которое он пытается воссоздать во всех доступных его просыпающейся памяти тонкостях восприятия – цвете, запахах, звуках – и зафиксировать в слове.

Роман сложно структурирован – в нем две части: в первой Платонов записывает и свои воспоминания, и свои впечатления от настоящего в жанре дневника, во второй части представлено несколько повествовательных инстанций, а события даны в восприятии трех основных персонажей – Иннокентия Платонова, доктора Гейзера и Насти. К концу второй части описания событий и их восприятия героями не помечены ни днем недели, ни именем персонажа и существуют по гоголевской формуле «некоторого числа», но с добавлением «никто». Что касается восстанавливаемого прошлого, то оно, хоть и вспоминается с трудом и напряжением, но в нем Платонову всё понятно: и свое, и чужое. Настоящее же воспринимается как чужое, лишённое логики и смысла, а потому непонятное, в которое нужно встроиться. Многое из того, что видит герой в своем новом старом Санкт-Петербурге ему незнакомо, и это новое остранняется, представляется как «ВИдение, а не как узнавание», т.е. в полном соответствии с тем узким пониманием, которое закрепил за термином В. Шкловский. Например: Платоно-

ву предложили «прокатиться на машине». Постепенно восстанавливающаяся память Платонова мгновенно переносит героя в детство, а дальше идет такой текст: *Мне предстоит ехать не на привычном с юности автомобиле, а в одном из тех обтекаемых **аппаратов**, которые до этого я видел только по телевизору.* Обращает на себя внимание в этом фрагменте существительное *аппарат*, обладающее в своем прямом, буквальном значении семиотическим статусом гиперонима по отношению к целому множеству видовых обозначений (*соковыжималка, фотоаппарат* в быденном языке и *сварочный аппарат, водоопреснительный аппарат* – в сфере номенклатуры). Гиперонимы, как известно, имеют свои ограничения в сфере конкретной референции, поскольку не могут самостоятельно выполнять эту функцию, но активно участвуют в дескрипциях.

Кроме описания новых объектов восприятия в остраняющем режиме есть и эксплицитные указания на новизну (выделено жирным шрифтом), например: *Электрические столбы **какие-то другие, не деревянные**; Лестница в плевках и окурках: плевки обычные, а окурков **я таких не видел**; Я про себя **удивился**: зима в городе, а рамы не двойные, а **особенные какие-то, тонкие**.* Новыми оказываются не только предметы видимого мира – интерьера, пейзажа, но и слышимого. И это слова: *На углу **Большого и Зверинской остановились (припарковались, прокаркал Гейгер)**; Пристёгнут ремнем. Современный автомобиль (лучше – машина, посоветовал Гейгер) развивает **невероятную скорость**.* Новые услышанные слова, вызвавшие удивление и оценку (например, отрицательную через глагол *прокаркал*), которые герой воспроизводит, имеют вид цитации и в тексте романа выделены курсивом, т.е. остраняющий эффект создается графическими средствами, возможностями шрифта. Вот речь героя о чистке ветрового стекла: *Хитроумный Гейгер брызгал на него водой и чистил дворниками. Мы припарковались у железнодорожной станции, которую я не узнал; В ближайшее время я войду в медийное пространство. В качестве ньюсмейкера (есть на свете и такое слово); Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в контейнере. Существительные дворники, ньюсмейкер, контейнер, словосочетание медийное пространство и глагол припарковаться выделены в тексте курсивом.*

Часто увиденное новое по ассоциации тянет за собой из прошлого старое, противопоставляются слова, и к ним дается комментарий (метатекст): *Распылили на волосы лак из железной банки. В мое время это называли пульверизатором, а сейчас спреем. Спрей, конечно, короче. Только вот раньше на речи не экономили; о контейнере: Несмотря на красивое название, помойка остается помойкой, а люди по-прежнему не стесняются в ней рыться.* Таким образом, удивление как одна из доминант сознания героя, обывающегося в чужом своем городе, проходит через всю вторую половину первой части романа, что мотивировано фабулой произведения. А остраннение является одной из интегральных категорий текста, но только как способ передачи видения мира, его новизны, а негативное отношение к новому читателем может восприниматься как эпифеномен удивления.

К тексту романа Алексея Сальникова «Петровы в gripпе и вокруг него» применима интегральная текстовая категория «остраннение2», которая способствует выявлению глубинной когерентности разных элементов текста и позволяет охарактеризовать идиостиль А. Сальникова. В тексте романа через прием остраннения передаются сложные отношения героя и окружающего его мира в амплитуде от полного непонимания и неприятия мира героем (а иногда и повествователем) до отторжения героя миром. Фабула романа настолько же проста, насколько сложен и хитро сплетен сюжет: главный герой

Петров заболевает гриппом, а по ходу дела узнает, что заболели и его близкие – жена и сын. Всё происходящее вокруг героя воспринимается им через призму его гриппозного состояния.

«Гриппозную парадигму» остраняющего восприятия действительности составляют разные языковые средства – это показатели неопределенности (*какой-то, где-то*), показатели неожиданности (*вдруг, внезапно, неожиданно*), показатели неуверенности (*вроде, кажется*), сравнительные конструкции (обороты и предложения) и другие средства. Статистика такова: среди полутора тысяч контекстов с остраняющими лексическими единицами доминируют контексты с показателем неопределенности *-то* (их 875); с лексической единицей *будто* зафиксировано 146 контекстов, что отражает преобладание в романе «квазиреальности», в которой наблюдается недостаток понятных для перцепта элементов действительности. Особое место занимают местоименные наречия *зачем-то* и *почему-то*, принадлежащие как речи нарратора, так и восприятию персонажа (25 контекстов). Эти «фигуры непонимания» характеризуют действия другого как лишенные какой бы то ни было логики с точки зрения повествующей инстанции. Но интересны они текстовой интерференцией, поскольку есть случаи, когда читатель затрудняется определить субъекта непонимания.

Доминанту психического состояния героя можно определить как неуверенность и сомнение во всем: в реальности происходящего, в правоте своей точки зрения, в своей собственной нормальности и в нормальности всего происходящего вокруг него. При этом важной является глагольная оппозиция *казаться-оказаться*, представленная ожидаемой синтаксической конструкцией «То, что казалось X, оказалось Y», но то, что оказалось, всегда хуже, чем казалось. Герой находится в состоянии предвидения плохого, и оно случается. Повседневный, обыденный, рутинный мир героя представлен нарратором как мир странный, но не в смысле ‘новый, познаваемый’, а в смысле ‘непонятный’, хотя и привычный, и, как следствие, чужой и чуждый. При этом странный и непонятный он как для персонажа, так и для экзегетического повествователя, т.е. тотально алогичный, поскольку в пространстве героя отсутствуют причинно-следственные связи (на что указывают наречия *почему-то, зачем-то*), детерминирующие ситуации и мотивирующие разговоры, но царствует случайность. Восприятие персонажем своей привычной повседневной жизни как странной (=непонятной) пронизывает весь текст. Повествование ведется от третьего лица, что еще больше усложняет структуру романа.

Динамика текста определяется чередованием точек зрения повествователя и протагониста (что теоретически разработано Ю.М. Лотманом), но много таких фрагментов, в которых происходит «текстовая интерференция», по терминологии М.М. Бахтина. Многие ситуации в романе Сальникова, как в фильме Акиро Куросавы «Расёмон», даются в восприятии разных людей, которые об этих ситуациях рассказывают, что размывает достоверность получаемой информации и ставит читателя в тупик отсутствием ответа на вопрос «А как же было на самом деле?». Из версий, далеких от реальности, выстраивается парадигма поведения Петрова, в которой также проявляет себя прием остранения.

В романе «Авиатор» сознание героя остраняет воспринимаемые ситуации, поскольку они совершенно новые для него, впервые увиденные. Он вживается в чужой свой город, вглядывается в него, но в его отношении к городу и ко всему новому в нем нет враждебности, но есть ностальгия по ушедшему времени, тело которого – память.

В романе Сальникова сознание героя представлено не изнутри, как это возможно в перволичной форме повествования, а в третьеличной, что усложняет идентификацию воспринимающего сознания. Но в любом случае можно утверждать, что восприятие главного героя остраивает повседневный, рутинный мир и происходящее в нем, представляя его непонятным и чужим. Один герой в чужом городе пытается увидеть давнее своё, другому – своё видится как непонятное и чужое.

Выводы

1. Подходы, разработанные Ю.Н. Карауловым для анализа языка как системы и как функции, не только не устарели, но актуальны для такого приоритетного направления лингвистики речи во всех ее разновидностях. Личность, выражающая себя в тексте (устном и письменном, разговорном и художественном, диалоге и монологе), ведома двумя структурами сознания – его «светлой зоной» (логикой, рациональностью) и подсознанием («подвалом сознания», по В.В. Налимову), когнитивной инстанцией которого является интуиция, а перцептивной («созерцающей») – ассоциативность. Эти состояния сознания направляют речь, но логика работает по большей части предсказуемо (например, по выводной модели «если, то»), а ассоциативность – вероятно. В любом случае мировоззрение и мировосприятие личности (её «ктоиность») лингвистически моделируется на основе статистических данных («количественный метод» И.А. Бодуэна де Куртенэ), которые техника «медленного чтения» позволяла и позволяет выявлять на небольших массивах текста и обобщать без применения математических методов.

2. Любой художественный прием как филологический инструмент анализа художественного текста основан на количественном методе – подсчете синтаксических конструкций (например, безличных, неопределенно-личных, номинализаций), тропов (образных и когнитивных метафор, метаморфоз, конструкций сравнения, зевгмы и под.) и других преобладающих в тексте языковых средств. Прием остраивание – не исключение. С его помощью моделируется видение персонажем мира и отношение к нему. Прием раскрывает разные состояния сознания, в соответствии с чем возможна типология приема (выделено 5 типов), но главных два – это удивление увиденным или его неприятие.

3. К роману Е. Водолазкина применим прием «остраивание1», моделирующий удивление как узнавание, к роману А. Сальникова – «остраивание2», моделирующий непонимание вещей, людей, ситуаций и мира в целом, который видится герою (а часто и солидарному с ним нарратору) тотально абсурдным. Метод реконструкции такого «вероятностного мира» языковой личности персонажа – текстовая парадигма («гриппозная»). Информативно значимыми являются такие эгоцентрики, как неопределенные местоимения (*какой-то*) и местоименные наречия (*зачем-то, почему-то*), а также глаголы «нетвердого мнения» типа *казаться*.

Литература

- Бабенко Л.Г.* Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М.: Проспект, 2016. 232 с.
- Белый А.* Поэзия слова. Петербург: Эпоха, 1922. 135 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958. 133 с.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. М.: НЛЮ, 1996. 352 с.

Гинзбург К. Остраннение: Предыстория одного литературного приема [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).

Дворяткина С.Н., Розанова С.А. Математическая модель и ее реализация с применением компьютерных технологий анализа авторского стиля в контексте диалога культур // Вестник РУДН. 2016. № 4. С. 91–99.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

РЯ. Русский язык: энциклопедия. М.: БРЭ, 1997. 704 с.

Костин В.Н., Тишина Н.А. Статистические методы и модели: Учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. 138 с.

Налимов В.В. Разбрасываю мысли. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).

Никифоров А.Л. Не все то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

Николаева Т.М. Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 42. 1983. № 4. С. 342–353.

Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте метафор (критические заметки на полях дискуссии) // Трансформация международных отношений в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции). М.: Дипакадемия МИД России, 2017. С. 245–254.

Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017. 208 с.

Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика». 2019. № 2. С. 158–170.

Шилова Е.В. Аксиологическая парадигма ‘СТРАННЫЙ’ в функционально-семантическом аспекте: дисс. канд. филол. наук. М., 2016. 229 с.

Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 269 с.

“PROBABLE WORLD” OF THE LINGUISTIC PERSONA (as applied to literary text analysis)

Lyudmila O. Cherneyko

Doctor of Philology, Professor

Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

MSU, Faculty of Philology, 119991, Moscow, GSP-1, 1-51

avollis@mail.ru

I was a scientist, but I went free from the harsh violence of science.

V. V. Nalimov.

The article deals with the problem of associationism and calculation of the “probable world” (in terms of Yu. N. Karaulov) of the linguistic persona, that held one of the central places in his scientific works. The subject of the research is the possibility of non-

mathematized application of the probabilistic language model to the analysis of the literary text (E. Vodolazkin “Aviator” and A. Salnikov “The Petrovs in the Flu and Around It”) using the method of highlighting the most common meanings in texts that are “packed” into a close, but semantically non-identical signifiers (synonyms), and constructing textual paradigms (logical – with the archiseme as the centre of the paradigm, and axiological ones, the centre of which is the evaluative meaning) on this basis to model the protagonist’s worldview. The result of the research is the proposed well-reasoned understanding of defamiliarisation not only as an artistic device formulated by V. Shklovsky, but primarily as a model of the linguistic persona’s vision of the world. A theoretical substantiation of the defamiliarisation typology is proposed, based on such different mental states as surprise caused by the perceived novelty of the object in the broad sense of the term (novel “Aviator”) and the lack of understanding of the well-known – familiar and even routine (novel “The Petrovs in the Flu...”). Detachment as a way of perceiving the world by a person, and linguistic means of its reflection in terms of the two noted approaches can be classified as artistic, aesthetically significant universals that are characteristic of a certain type of narrative, which is important for cognitive poetics, in particular for narratology and receptive aesthetics.

Keywords: linguistic persona, perception, representation, “probable world”, key meaning, text paradigm, defamiliarisation, receptive aesthetics

References

Babenko L.G. Slovar’-tezaurus russkih prilagatel’nyh, raspredelennyh po tematicheskim grupпам [Dictionary-thesaurus of Russian adjectives distributed by thematic groups]. M.: Prospekt, 2016. 232 p. (In Russian).

Belyj A. Pojezija slova [Poetry of the word]. Peterburg: Jepoha, 1922. 135 p. (In Russian)

Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat [Logical and philosophical treatise]. M.: IL, 1958. 133 p. (In Russian).

Gasparov B.M. Jazyk, pamjat’, obraz [Language, memory, image.]. M.: NLO, 1996. 352 p. (In Russian).

Ginzburg K. Ostrannenie: Predystorija odnogo literaturnogo priema [Ostrannenie: The prehistory of a literary technique]. [https:// https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/](https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/) (retrieval date: 15.03.2019). (In Russian).

Dvorjatkina S.N., Rozanova S.A. Matematicheskaja model’ i ee realizacija s primeneniem komp’juternyh tehnologij analiza avtorskogo stilja v kontekste dialoga kul’tur [Mathematical model and its implementation with using computer technologies for analyzing the author’s style in the context of a cultural dialogue] // Vestnik RUDN [Bulletin of RUDN]. 2016. Issue 4. P. 91–99. (In Russian).

Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost’ [The Russian language and language personality]. M.: Nauka, 1987. 262 p. (In Russian).

Karaulov Ju.N. Aktivnaja grammatika i asociativno-verbal’naja set’ [The active grammar and associative-verbal network]. M.: IRJa RAN, 1999. 180 p. (In Russian)

RJa. Russkij jazyk: jenciklopedija [Russian language: encyclopedia]. M.: BRJe, 1997. 704 p. (In Russian).

Kostin V.N., Tishina N.A. Statisticheskie metody i modeli: Uchebnoe posobie [Statistical methods and models: Textbook]. Orenburg: GOU OGU, 2004. 138 p. (In Russian).

Nalimov V.V. Razbrasyvaju mysli [I scatter my thoughts]. <https://www.litres.ru/> (retrieval date: 20.08.2020). (In Russian).

Nikiforov A.L. Ne vse to zoloto, chto blestit (“Logiko-filosofskij traktat” L. Vitgenshtejna) [Not all that glitters is gold (“Logical and philosophical treatise” of L. Wittgenstein)] // *Filosofskij zhurnal* [Philosophical journal]. 2018. Vol. 11. Issue 1. P. 160–172. (In Russian).

Nikolaeva T.M. Funkcional’naja nagruzka neopredelennyh mestoimenij v russkom jazyke [The functional load of indefinite pronouns in the Russian language] // *Izvestija AN SSSR* [News of Academy of Sciences of the USSR]. SLJa. Vol. 42. 1983. Issue 4. P. 342–353. (In Russian).

Parshin P.B. “Mjagkaja sila” v labirinte metafor (kriticheskie zametki na poljah diskussii) [The “Soft power” in the maze of metaphors (the critical notes in the discussional fields)] // *Transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke (materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii)* [The transformation of international relations in the 21st century (the materials of the international scientific and practical conference)]. M.: Dipakademija MID Rossii, 2017. P. 245–254. (In Russian).

Cherneyko L.O. Kak rozhdaetsja smysl: Smyslovaja struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovaniya [How meaning is born: the semantic structure of the literary text and the linguistic principles of its modeling]. M.: Gnozis, 2017. 208 p. (In Russian).

Cherneyko L.O. Ponjatija “proekcija” i “proektivnyj smysl” v terminosisteme kognitivnoj lingvistiki [The definitions of “projection” and “projective meaning” in the term system of cognitive linguistics] // *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2019. Issue 2. P. 158–170. (In Russian).

Shilova E.V. Aksiologicheskaja paradigma ‘STRANNYJ’ v funkcional’no-semanticheskom aspekte: diss. kand. filol. Nauk [The axiological paradigm of ‘STRANGE’ in the functional-semantic aspect: dissertation of the philological Sciences candidate]. M., 2016. 229 p. (In Russian).

Shklovskij V. O teorii prozy [Theory of prose]. M.: Federacija, 1929. 269 p. (In Russian).